

МАКС ХАЛЛЕР,

профессор, доктор наук, директор Института социологии при Университете Карла Франца в Граце (Австрия)

Европейский раскол между элитами и гражданами¹

Abstract

The process of European integration since World War II has been led almost exclusively by political elites. They are also much more proud of Europe than ordinary citizens. The split between elites and citizens turns out also when looking at referenda on the integration process in the different member states of the EU. Only in half of them the population was asked about this far-reaching process; where referenda were carried out, a much stronger endorsement of the integration among the parliamentary deputies than among the general populations could be observed. This paper explains the split between elites and citizens by proposing two general theses: First, all three power elites – political, economic and bureaucratic – have particular interests in the process of European integration; for the population at large, the benefits of integration have been much more modest than praised by the elites. Both these theses are documented in this paper by using data on the historical development of the EEC/EU, data on its institutional set-up, and on perceptions and opinions of the citizens in the different member countries. The paper concludes that the investigation of the issue of decreasing political trust and legitimacy in modern democracies in general and in the European Union in particular is an urgent task.

Среди негативных результатов референдумов 2000 года по европейской конституции во Франции и Нидерландах следует назвать проявление глубокого раскола между элитами и гражданами по вопросу о европейской интеграции. Этот факт, признанный самими элитами, является серьезным вызовом с точки зрения науки. Как можно объяснить, почему такой историче-

¹ Перевод по изданию: Lane D., Gamble A. (eds.). European Union and World Politics: Consensus and Division. — L., 2009. Расширенное изложение главных аргументов этой статьи можно найти в моей недавно опубликованной книге “European Integration as an Elite Process. The Failure of a Dream” [Haller, 2008].

ски уникальный и, казалось бы, успешный процесс, с большим энтузиазмом осуществляемый политическими, экономическими и бюрократическими элитами и рассматриваемый некоторыми социальными аналитиками [Beck, Gran, 2004], как модель мировой организации, сопровождается гораздо более трезвым, скептическим и критическим отношением граждан? Правда ли, что граждане не замечают достижений интеграции, как утверждают политические элиты? Или же на самом деле такая интеграция вовсе не приносит все те блага, которые ей приписывают? Такой раскол достаточно проблематичен еще и с точки зрения легитимности Европейского Союза. Даже такое весомое новое политическое сообщество, как ЕС, если значительное большинство граждан его не поддерживают, можно считать построенным на песке. И его стабильность, и его деятельный потенциал будут серьезно подорваны, если ему в должной степени не присуща идентичность, а именно консенсус в отношении его базовых характеристик и главных целей.

В статье указанные вопросы исследуются в три этапа: во-первых, дается документальное подтверждение этого раскола между элитами и гражданами; во-вторых, анализируются интересы различных элит — политических и профессиональных, экономических и бюрократических — для того, чтобы понять их энтузиазм в стремлении к интеграции; в-третьих, рассматривается вопрос, можно ли довольствоваться “легитимностью на выходе” взамен “легитимности на входе”.

1. Растущий раскол между элитами и гражданами по вопросу европейской интеграции

Уже в начале 1990-х референдумы по Маастрихтскому соглашению показали несовпадение оценок процесса интеграции со стороны элит и со стороны граждан. Это соглашение было принято лишь незначительным большинством во Франции и отвергнуто датчанами. Затем с небольшим перевесом шведы и финны проголосовали за вхождение в ЕС, а норвежцы и швейцарцы отказались от такого членства вопреки настойчивости их элит.

Подписание *Европейской конституции* в октябре 2004 года по праву рассматривалось как важный шаг к европейской интеграции. Во Франции президент Ширак решил, что по поводу этой конституции следует провести народный референдум. После такого сообщения во Франции развернулись яркие дебаты. И сам текст конституции, и книги о ней появились в миллионах экземпляров; бурные дискуссии развернулись в печатных СМИ и на телевидении. Сам референдум был отмечен очень высокой (70,0%) явкой. Конституцию отвергло явное большинство проголосовавших — 54,8% — невзирая на тот факт, что все крупные, в том числе правящие, партии и политические деятели ее поддерживали. Лишь три дня спустя голландцы отвергли эту конституцию еще более значительным большинством, 61,6%, а властные и экономические элиты страны единодушно ратовали за ее принятие. В двух других народных референдумах конституцию поддержали: в Испании — 76,2%, в Люксембурге — 56,5%. Однако последняя цифра на удивление мала, учитывая полную поддержку интеграции в этой стране. Позже в Испании и Люксембурге прошли парламентские голосования по Европейской конституции со следующими результатами: Испания — 94,2% в парламенте и 97,4% в сенате; Люксембург — 100%.

В этих референдумах проявились три особенности, типичные для двух десятков народных референдумов и парламентских голосований, предшествующих им или следующих за ними, по вопросу о важных шагах на пути к европейской интеграции, предпринятых с начала 1970-х годов.

Во-первых, поддержка со стороны парламентов оказалась намного мощнее, чем со стороны народных референдумов. Вот всего несколько примеров. В Норвегии вступление в ЕС в 1992 году парламент поддержал 67,0% голосов; в 1994 году граждане отвергли это (как и в 1992 году) 52,2% голосов; в Швейцарии вхождение в *Европейскую экономическую зону* в 1992 году получило поддержку в парламенте 85,0% голосов — в Совете штатов и 62,0% — в Национальном совете, тогда как граждане его отвергли (50,3%); Французский Конгресс принял Маастрихтский договор в 1992 году большинством в 89,0%, а среди граждан его поддержали 51,1%. Как правило, в странах Центральной и Восточной Европы, ставших новыми членами ЕС, референдумы отличаются высоким процентом голосов “за” (около 66% в Балтийских государствах и до 90% в Словакии и Словении); в парламентах же результат обычно составлял 100%.

Во-вторых, существует значимая корреляция между уровнем явки и результатом референдума. Чем выше явка, тем ниже процент голосов “за”. Высокий процент голосов “за” при низкой явке характеризует посткоммунистические страны, новые члены ЕС; малый процент голосов “за” при высокой явке — небольшие западные и североевропейские страны (Норвегия, Швеция, Дания и Швейцария). Кроме того, анализ этих референдумов показал, что в тех странах, где положительное решение встретило наибольшее противодействие, на момент проведения референдумов граждане были достаточно хорошо информированы по данному вопросу.

В-третьих, референдумы по интеграции чаще проходили в странах с более длительным опытом демократии и с хорошо сформированными демократическими институтами. Во всех странах, переживших в XX столетии режим фашизма (Италия, Германия, Греция, Португалия), граждане никогда не могли или только недавно (Испания) получили возможность участвовать в принятии решения по поводу такого невероятно важного процесса, когда существенные компетенции передаются с уровня национального государства на уровень ЕС и, таким образом, меняются все национальные конституции. А в двух посткоммунистических странах с наименьшим опытом демократии в XX столетии, в Болгарии и Румынии, граждан и вовсе не спрашивали об их согласии.

Далее, несколько исследований, проведенных среди политических элит и граждан, показали глубокий раскол в их отношении к европейской интеграции. В конце 1990-х британские и немецкие политологи изучали отношение к интеграции членов Европейского парламента, национальных парламентах и граждан 15-ти государств — членов ЕС [Schmitt, Thomassen, 1999]. Оказалось, что в первых двух группах, в частности у членов Европейского парламента, отношение к интеграции намного более позитивное, чем у граждан. Например, показатель гордости за Европу в первой группе был очень высок — 75%, во второй — 68%, а среди граждан — 55%. Авторы делают вывод: “Может возникнуть вопрос, живут ли правительства и политики, ответственные за Маастрихтский договор, в том же европейском мире, в котором и люди, которых они якобы представляют” [Schmitt, Thomassen, 1999: p. 4]. В

1996 году в рамках проекта *EOS Gallup Europe* по поручению Комиссии ЕС был проведен опрос 3 тыс. 778 лидеров в сфере принятия решений из 15 стран — членов ЕС [The European Union, s.a.]. В выборку входили политики, государственные служащие высшего звена, лидеры в сфере бизнеса, высшие медиа-персоны, а также лидеры в области культуры, науки и религии. Некоторые вопросы, из заданных элитам, были взяты из Евробарометра; таким образом, ответы можно было непосредственно сравнить с мнением граждан. Здесь и проявился глубокий раскол между гражданами и элитами. Утверждение “членство нашей страны в ЕС это хорошо/плохо/ ни хорошо, ни плохо” получило следующие оценки: элиты — 94% хорошо, 2% плохо, 4% ни хорошо ни плохо; граждане — 48% хорошо, 15% плохо, 28% ни хорошо ни плохо.

Глубокий раскол между элитами и гражданами также очевиден, если мы посмотрим на мнения по поводу политической роли Европейского Союза в мире. *Центр по изучению политических изменений (Centre for the Study of Political Change (CIRCaP, Университет г. Сиены, Италия)* провел исследование граждан девяти стран—членов ЕС, а также телефонный опрос членов Европарламента и чиновников высшего звена из Комиссии ЕС в Брюсселе. Таблица 1 показывает, что подавляющее большинство членов Европейского парламента и чиновников высшего звена ЕС поддерживают активную роль ЕС в международной политике и использовании вооруженных сил, тогда как граждане с намного меньшей симпатией относятся к такой позиции, а большинство и вовсе против использования вооруженных сил.

Таблица 1

**Отношение к роли ЕС в мировой политике со стороны граждан
и со стороны политической и бюрократической элит
Европейского Союза, % согласных**

	Граждане	Члены Европарла- мента	Чиновники ЕС
Европейский Союз должен иметь своего министра иностранных дел	69	79	96
Европейский Союз должен укреплять свою военную мощь, чтобы играть более важную роль в мире	48	71	65
Европейский Союз должен сконцентрироваться на экономическом могуществе и не опираться на свою военную мощь в решении международных проблем за пределами Европы	82	66	64

Примечание: Остальные — не согласны.

Источник: CIRCaP (2006), *European Elites Survey 2006*, Siena: Centre for the Study of Political Change (доступно на сайте: http://www.gips.unisi.it/circap/ees_overview; 8.3.2008).
Метод исследования: телефонные интервью с помощью компьютера, май–июль 2006 года. Выборки: 205 членов Европарламента, 50 чиновников высшего звена Комиссии ЕС; граждане: выборка репрезентативная для населения 9-ти стран—членов ЕС.

Откуда взялся этот невероятный раскол? В данной статье выдвигаются три тезиса: (1) уже “отцы-основатели” ЭЭС/ЕС демонстрировали свою

“элитарную” позицию, до настоящего времени типичную в среде европейских политиков; (2) элиты существенно выигрывают от процесса интеграции; (3) выигрыш людей в целом значительно более скромный, чем обещают элиты. В следующем разделе мы обоснуем эти тезисы.

2. Интересы элит в процессе европейской интеграции

В последние десятилетия появилось огромное количество интеграционных теорий. *Функционалистские и неофункционалистские теории* утверждают, что интеграция между отдельными элементами возникает в силу того, что это увеличивает экономическую производительность и благосостояние. Такая интеграция инициируется в одном из секторов, распространяется на другие и переходит из экономической сферы в социальную и политическую. Значит, интеграционный процесс обладает своей логикой и подпитывается обменом и разделением труда между членами данного союза. На финальной стадии образуется высоко интегрированное экономическое и политическое общество [Haas, 1958; Schmitter, 2004]. *Межгосударственные теории* усматривают в интеграции стратегию, поддерживаемую национальными правительствами, с тем чтобы обрести безопасность в изменяющейся международной ситуации и способность справиться с силами глобализации. Интеграция укрепляет позиции национальных правительств как внутри собственных стран, так и на международном уровне (см.: [Alan, 1992; Moravcsik, 1998]; для обзора см. также: [Burgess, 2003: p.65–79; Faber, 2005: S. 86ff.]). Однако у обеих этих теорий есть серьезные недостатки.

Во-первых, размыты различия между нормативным и эмпирико-аналитическим подходами. Функционалистская теория, утверждающая, что интеграция начинается в экономическом секторе и далее распространяется на остальные секторы, “изначально содержит про-интеграционные предпосылки” [Jensen, 2003: p. 80–92] (см. также: [Cini, 2003; Wiener, Diez, 2004; Faber, 2005]). Это же справедливо и для межгосударственной установки и, особенно, федерализма, где интеграция видится как результат нацеленных действий правительств и ожидается, что финальной стадией станет создание Соединенных Штатов Европы (критический обзор см.: [Burgess, 2003: p. 6; Dehove, 2004]). Во-вторых, ни в одной из теорий граждане существенной роли не играют. Теории сосредоточиваются на общих, абстрактных “законах” интеграции, забывая о специфических социальных интересах и силах, стоящих за ними. В-третьих, не учитываются также социальные и политические ценности, идеи и представления, связанные с интеграцией.

Оба подхода постулируют более или менее однородные “национальные интересы”, каковых на самом деле нет. Интересы часто существенно отличаются в разных группах даже внутри одного государства, а также между элитами и гражданами. Как следствие этого, они не способны объяснить растущий раскол между элитами и гражданами по вопросу европейской интеграции.

Теория демократических элит — социологический подход к европейской интеграции

Последующий анализ основан на теории демократических элит [Etzioni-Halevy, 1993]. Эта теория рассматривает две перспективы. Эмпирико-аналитическая перспектива призвана объяснить действия элит и по-

следствия этих действий. С этой точки зрения элиты представляют собой относительно небольшие группы, существующие в каждом обществе и обладающие непропорциональным влиянием; это влияние происходит из того, что элиты занимают особые позиции, предполагающие власть, или обладают особенно важными ресурсами (см. также: [Coenen-Huther, 2004; Hartmann, 2004]). Мы здесь не утверждаем — как в ранней теории элит (Pareto, Mosca, Michels) — что у элит природенная тяга к власти, что они по природе своей эгоистичны, безжалостны или даже коррумпированы. Однако элитам не присуща природенная эффективность, они не обязательно работают ради общих интересов, поскольку имеют собственные.

Базовое предположение нормативной демократической теории заключается в том, что власть, цели и действия элит должны подлежать постоянному мониторингу и контролю. Это касается и ценностей и целей элит (того, что часто открыто не декларируется), функциональной дифференциации и сетевой структуры, существующей между элитами, модели рекрутирования элит, а также формы их признания и вознаграждения.

Роль различных элит в последовательности стадий европейской интеграции

Первый тезис, выдвинутый в этой статье, относится к роли разных элит в процессе интеграции. В целом европейская интеграция — неравномерный процесс, в нем периоды динамичной интеграции чередуются с периодами застоя и кризиса. Политические элиты — это сила, способная как ускорить, так и замедлить интеграционный процесс; экономические элиты вместе с новыми европейскими бюрократическими и профессиональными элитами — это те силы, которые постоянно продвигают интеграцию вперед. В итоге интеграция оказывается продуктом взаимодействия этих разных сил, скорость и направление ее нередко бывают случайными, противоречивыми и проблематичными по своим результатам. Однако этот процесс все равно постепенно продвигается, даже в периоды политической стагнации и “евросклероза”. В такие времена интеграционный процесс поддерживают, в частности, еврократия и профессионально-юридические элиты из *Европейского суда справедливости* (*European Court of Justice* – ЕСЖ). В общем мы можем сказать, что на первом этапе европейской интеграции, с начала 1950-х до середины 1960-х годов, политические элиты были ее движущими силами. С конца 1960-х и до конца 1980-х экономическая и новая европейская бюрократически-профессиональная элита (члены Комиссии ЕС и Европейского суда справедливости) взяли дело в свои руки. Но со времени распада систем государственного социализма в Восточной Европе политические элиты снова изолировались. Рассмотрим далее коротко решающий послевоенный период, когда был инициирован процесс европейской интеграции. Чтобы понять успешный старт процесса интеграции после Второй мировой войны и ту форму, которую он приобрел после этого, мы должны обсудить три фактора.

Первым ключевым моментом является новая институциональная ситуация. Федерации между национальными государствами, начиная с античной Греции и заканчивая послевоенной Европой, инициировались военной угрозой; их целью было укрепить свою безопасность, объединившись против сильной внешней и часто деспотичной власти [Fix, 1992/93]. Именно

это случилось в послевоенной Европе. Соединенные Штаты Америки и Советский Союз после Второй мировой войны предстали как новые мировые силы, а некогда могущественные европейские государства оказались во втором эшелоне по своему политическому и военному потенциалу на мировой арене [Deutsch et al., 1957; Loth, 1996].

Второй момент: Франция и Германия, более всех поддерживавшие интеграцию, что касается ситуации внутри страны, были предельно ослаблены. Германия переживала развал экономики, раздел на две части, моральную дискредитацию как следствие национал-социализма и Холокоста, а также своей ответственности за Вторую мировую войну. Активное участие в европейской интеграции представлялось тогда — как и по сей день — неоспоримой стратегией для ее политических элит с целью восстановления политической автономии и международного признания. Но и Франция тоже оказалась в слабой позиции: государство потерпело поражение, экономика в упадке, моральная репутация пострадала в силу того, что многие лидеры сотрудничали с режимом Виши [Wolton, 2004].

Третий момент: на интеграцию основательно и с долгосрочными последствиями повлияли ценности, стратегии и действия решающих политических акторов, инициировавших этот процесс в послевоенный период. Это были французский министр иностранных дел Робер Шуман, немецкий канцлер Конрад Аденауэр и итальянский премьер-министр Альсиде Дегаспери. Им были присущи четыре характерных черты. Во-первых, они родились в 80-х годах XIX века, а потому были в расцвете сил, когда в Италии и Германии к власти пришел фашизм. Их сопротивление фашизму создало им высокую персональную харизму после Второй мировой войны. Отсутствие подобной харизмы у политических персоналий конца XX века сыграло свою роль в снижении доверия к политике в целом и к Европейскому Союзу в частности. Во-вторых, все они были преданными католиками. Католицизм был важен для европейской интеграции по двум причинам. В силу своей универсалистской ориентации он приветствовал такую интеграцию. Но, кроме того, католицизм нацелен на традиции и догмы, иерархию и легитимную власть [Maier, 1983]. Третьей характеристикой, общей для Аденауэра и Дегаспери, можно считать их установки и поведение — элитизм и авторитаризм. Аденауэра часто критиковали за авторитарный стиль управления [Jaspers, 1966]. У Аденауэра и Дегаспери была и четвертая общая черта — ярый антикоммунизм. Аденауэр продолжал традиции немецкого антикоммунизма и добился того, что Коммунистическая партия Германии (КПД), восстановленная в четырех зонах оккупации, была запрещена немецким конституционным судом в 1956 году. Дегаспери смог получить огромное количество голосов на национальных выборах 1948 года не в последнюю очередь благодаря агрессивной и жесткой избирательной кампании, в которой Коммунистическую партию Италии (РСИ) обвиняли в том, что она торит дорогу к коммунистическому режиму советского типа [Procacci, 1983: p. 386ff.]. В результате на десятилетия были заложены основы политического доминирования христианских демократов (Democrazia Cristiana — DC), которое, правда, резко закончилось в 1992 году, когда выяснилось, что они глубоко увязли в клиентелизме и коррупции.

Этот элитизм был ключевой характеристикой еще одного очень важно-го политтехнолога европейской интеграции — Жана Монне (1888–1979). В

его политическом мышлении и поведении проявились черты, до сих пор характерные для Европейского Союза: реализация новых идей и планов “сверху” без участия граждан и парламентов; использование стратегии убеждения, то есть постоянного публичного повторения и пропаганды простейших и, казалось бы, истинных идей; высшей степени гибкость и изобретательность при разработке новых планов кооперации и интеграции; сосредоточенность на ограниченном и вроде бы политически “нейтральном” секторе экономической интеграции [Monnet, 1978].

Теперь рассмотрим конкретные интересы разных групп элит в процессе европейской интеграции.

Политические элиты

На первый взгляд трудно понять, почему правящие политические элиты в Западной Европе тогда и до сих пор склонны отказаться от значительной доли своей автономии и власти ради новых институтов ЕС. Согласно известным теориям интеграции, этот процесс осуществлялся и осуществляется в интересах стран-членов [Milward, 1992: p. 6]. Членство в ЕС дает возможность решать национальные политические задачи на мировом уровне, когда это оказывается сложным для одного государства, даже большого. Кроме того, членство в ЕС позволяет добиться тех политических целей, которые недостижимы для национальных политиков, или же они не желают их добиваться у себя в странах, делая вид, что следуют решениям ЕС (в принятии которых сами участвовали).

Однако политические элиты все время преследуют и свои индивидуальные интересы, что убедительно доказывает экономическая теория демократии [Schumpeter, 1962; Downs, 1967]. Первый интерес политиков как любой профессиональной группы — улучшить возможности для своей работы и заработка. Европейская интеграция очень сильно способствует этому [Vaubel, 1995: p. 16]. Во-первых, ЕС создал мириады новых политических должностей и карьер в институтах Европарламента, Европейской Комиссии и Европейского суда справедливости (ЕСJ); и это лишь самые важные. Их достаточно много. Члены Европарламента получают зарплату, значительно большую, чем члены национальных парламентов [Von Arnim, 2006]. Добавьте к этому щедрые выплаты на личные расходы и солидные суммы (до 15 тыс. евро в месяц) на секретариат и ассистентов. Кроме непосредственных членов в Европарламенте около 4 тыс. сотрудников, в том числе 1 400 аккредитованных личных ассистентов членов этого парламента¹. Еще одну карьерную трассу проложила Европейская Комиссия, где каждая страна-член ЕС имеет своего политического представителя; это особенно привлекательно для национальных политиков, занимающих высшие посты в своей стране. Все эти новые политические должности открывают возможности для национальных политиков в смысле продолжения политической карьеры из своих политических офисов на родине либо после поражения на национальных выборах. Это также серьезно повышает их шанс получить впоследствии щедрую пенсию.

¹ См.: <http://www.europarl.europa.eu/news/public/focus_page/008-2987-050-02-08-901-20070209FCS02971-19-02-2007-2007/default_de.htm>.

Другая сфера, где европейская интеграция обеспечивает индивидуальный выигрыш для национальных политиков, — это участие в принятии коллективных решений на уровне ЕС. Все главы и члены национальных правительств получают дополнительный источник престижа. Пребывание во главе высокого офиса (например, пост президента Евросовета), выполнение сопутствующей организационной деятельности от имени ЕС, участие во многих праздничных саммитах и других публичных ритуалах, — все это сразу же дает признание, публичность, престиж [Collins, 2005]. Особенно это касается тех случаев, когда предложение председательствующей страны получает поддержку всех остальных членов ЕС. А еще здесь скрывается один из механизмов, поддерживающих процесс продвижения интеграции; каждая страна и правительство, становящиеся на полгода председательствующими в Совете, с большим энтузиазмом будут развивать амбиционную программу дальнейшей интеграции.

Экономические элиты

С самого начала экономика была центральным элементом европейской интеграции. Интеграция началась с координированного администрирования нескольких базовых отраслей промышленности, распространилась как зона свободной торговли и до сих пор, несмотря на то, что это называется “союзом”, по сути, может быть описана как огромный общий рынок. И на этом рынке доминируют большие мультинациональные “европейские корпорации”. Около 40% из 100 крупных корпораций в мире принадлежат ЕС¹. Но есть и другие экономические интересы, например в сельском хозяйстве, и они играют важную роль в процессе интеграции. Значение экономических элит на всех этапах европейского интеграционного процесса весьма существенно. Хотя их влияния по большей части не замечают ни простые граждане, ни научные аналитики, но из-за него скептицизм и недоверие к большим корпорациям и экономико-политической системе ЕС со стороны общественности растет.

У экономических элит ряд интересов. Кроме адекватного дохода и прибыли их интересует безопасность, власть и престиж. В этом смысле интересы крупных европейских предприятий совпадают с интересами больших стран-членов ЕС. Широко известен тезис о том, что неолиберальные экономические теории доминируют в процессе интеграции. Мы же утверждаем, что доминирующая интеграционная идеология никогда не была безусловным (нео-)либерализмом. Скорее с самого начала и лидеры промышленных корпораций, и политические элиты изначально стремились к утверждению ЕС и больших предприятий, принадлежащих ЕС, в качестве “больших игроков” на мировой арене. И эта мотивация присутствовала еще при основании *Европейского сообщества по углю и стали (European Coal and Steel Community)* в 1952 году. А значит, “миф Монне” при углубленном анализе не выдерживает критики. Формальная кооперация французской и немецкой стальной и угольной промышленности, инициированная Европейским сообществом по углю и стали, согласовывалась с послевоенными усилиями многих других французских политиков того времени. Они намеревались реинтегрировать Германию в Европу на французских условиях, чтобы взять под

¹ См.: Forbes. World's Business Leaders 2000. — <<http://www.forbes.com>>.

“органичный контроль” промышленность Рура [Gillingham, 2004]. Период нацизма и Вторая мировая война не разрушили существовавшее ранее близкое сотрудничество. Все это время большие немецкие производители угля и стали сохраняли сложившиеся ранее близкие и дружеские отношения с французскими, бельгийскими и другими предприятиями; таким образом, “организованный капитализм” немецкого образца распространился на оккупированные территории.

Бизнес-интересы не утратили влияния и на более поздних стадиях интеграционного процесса. Послевоенный бум в Западной Европе ассоциировался с мощным процессом промышленной концентрации. С экспансией финансовых рынков произошло разделение собственности и менеджмента; собственность как таковая перешла в разряд товара. Процессу европейской интеграции существенно поспособствовало возникновение в Европе акционерного капитализма (shareholder capitalism) [Van Apeldoorn, 2002; Соен, 1997]. Основы этого процесса заложила международная рыночная программа, запущенная во многом благодаря *Европейскому круглому столу промышленников* (ERT) в 1980-х годах [Bornschieer, 2000]. Существенную роль в этом сыграли такие ведущие промышленники, как швед Пер Гилленхаммар и голландец Виззе Деккер. Они смогли собрать саммит в виде встречи неформальной, но хорошо организованной и очень влиятельной группы ведущих европейских бизнесменов. С 1983 по 1985 год эта группа разработала развернутый план (*Европа 1990*), целью которого было создание полностью интегрированного рынка и концентрация усилий для укрепления стратегических секторов экономики и науки в Европе. Эти идеи подхватил Жак Делор и закрепил их в *Едином европейском акте* (*Single European Act*) и в *Маастрихтском соглашении* (*Maastricht Treaty*). Такие цели воплотились в “стратегической промышленной и торговой политике”, используемой ЕС для поддержки “европейских чемпионов”, даже если это противоречит сохранению конкуренции [Berthold, Hilpert, 1996].

Во второй половине 1990-х данный проект был расширен благодаря инициативе создания еще и единого финансового рынка, в частности через *План действий по финансовым услугам* (*Financial Services Action Plan*). В 2003 году с созданием плана действий под рубрикой “Закон о модернизации компаний и усовершенствующее корпоративное управление” (“Modernising Company Law and Enhancing Corporate Governance”) эта политика продвинулась еще дальше. Настоящей вехой стала сначала организация *Европейского монетарного союза* (*European Monetary Union – EMU*), а затем и введение евро. С тех пор Комиссия ЕС придает огромное значение межгосударственным слияниям. Несмотря на официальную политику строгого контроля таких слияний, известно лишь несколько случаев вмешательства Комиссии. За 1991–2004 годы в ЕС произошло около 152 тыс. слияний, но лишь 1,7% были взяты на заметку Комиссией; из них только 5% столкнулись с тем, что вопрос о конкуренции невозможно было разрешить на первой же фазе рассмотрения. Это значит, что в целом очень малая часть всех решений о слиянии представлялась проблематичной с точки зрения Комиссии [Ilzkovitz, Meiklejohn, 2006: p. 22ff.]. В этом же плане важны отношения между группами бизнес-интересов и политическими и бюрократическими элитами. Брюссель привлек тысячи лоббистов и заинтересованных групп, находящихся в близких отношениях с чиновниками ЕС и лицами, ответственными за принятие новых законов и ре-

гуляторных актов. Этих лоббистов и их действия позитивно воспринимают не только представители бизнеса, но и высшие чины ЕС. Общественность же по всей Европе думает совсем иначе: по ее мнению, эти действия в высшей степени сомнительны, а крупные предприятия имеют намного большее влияние, чем рабочие, служащие и “нормальные” граждане [Haller, Ressler, 2006].

Сельское хозяйство — еще одна сфера, где бизнес-интересы играют главную роль. *Общая сельскохозяйственная политика (Common Agricultural Policy, CAP)* принадлежит к главным опорам европейской интеграции, кроме того это та сфера, где превалируют групповые интересы, сталкиваются интересы экономических, политических и бюрократических элит за счет интересов граждан, но в довершение это еще и то место, где хорошо просматриваются идеологические призывы к идеалам и ценностям, маскирующие определенные интересы. Большинство экспертов, невзирая на определенные достижения, считают эту политику провальной [El Agraа, 2004: p. 371ff.; Fouilleux, 2003: p. 246–263]. Вопреки декларируемой цели “Инвестиции в увеличение и улучшение рабочих мест — строительство фундамента для будущего”, львиная доля (54,8%) бюджета ЕС, составляющего 121 млрд евро, до сих пор тратится на сельскохозяйственный сектор (по данным 2006 года). В то же время роль этого сектора в обеспечении занятости снизилась, дойдя до менее чем 5% в большинстве стран-членов ЕС, что составляет 1–3% валового национального продукта. Сельскохозяйственная политика дошла до уровня высокорегулируемой системы регуляторных актов и тарифов на импорт и экспорт, а также режимов национальных рынков; в то же время команда в 5 тыс. еврократов в Брюсселе администрирует изоциренные процедуры.

Третий период, когда экономические интересы играли главную роль для интеграции, связан с процессами перехода бывших социалистических стран к рыночной экономике и их вступления в ЕС. Согласно с нелиберальными американскими экономистами, во многих посткоммунистических государствах Восточной Европы (особенно это было заметно в Польше) осуществили жесткую приватизационную программу, государственный сектор уменьшился, некогда сложившиеся альянсы расторгли и ввели ограничительную монетарную политику. Все это обернулось гиперинфляцией, экспроприацией вкладов, неслыханным спадом промышленного производства, волной безработицы, огромными потерями реальных доходов рабочих и служащих и, наконец, падением жизненного уровня всего населения, выразившимся в существенном снижении жизненных ожиданий и качества жизни. Сегодня даже ведущие западные экономисты, например Стиглиц, признают, что такая форма перехода — в виде “мирной аннексии” [Roesler, 1999] — означала провал [Ingham, 2004: p. 243]. Дальнейшим следствием такого силового перехода стала политическая дестабилизация посткоммунистической Восточной Европы [Hofbauer, 2003]. ЕС поддерживал принятие этих стран специальными финансовыми программами и информационными кампаниями в преддверии референдумов по этому поводу. Западный капитал был чрезвычайно заинтересован в перспективах инвестирования в этот регион. Уже с начала 1990-х годов разгорелась настоящая битва за выкуп предприятий. Ожидаемая (и впоследствии реализованная) высокая прибыльность инвестиций в эти страны росла за счет организации в них невероятного налогового оазиса для западного капитала. Сегодня значительная часть (около трети) крупных частных предприятий Восточной Европы находятся в собственности запад-

ного капитала, особенно в стратегическом банковском секторе; доход от этих инвестиций существенно выше, чем от подобных в Западной Европе.

Новые еврократические элиты

Третья группа элит — одна из наиболее важных движущих сил интеграции, хотя ее личные интересы, стратегии и действия намного меньше привлекают внимание и обсуждаются общественностью, чем в случае политической или экономической элит. Это новая бюрократия ЕС в Брюсселе и в странах-членах ЕС.

Рассмотрение администрации ЕС в Брюсселе как представителей новой и мощной бюрократии на первый взгляд может показаться странным. В связи с этим обычно выдвигают два аргумента: во-первых, ряды этой бюрократии в 40 тыс. сотрудников не так уж и велики, по сравнению с бюрократией в самих странах-членах; во-вторых, похоже, что они работают со значительно меньшим “бюрократизмом” и более эффективно, чем национальные бюрократии, и представляются многим аналитикам менее иерархически структурированными, меньше уделяющими внимание бумажному документированию каждого решения, более гибкими и космополитично ориентированными, не в последнюю очередь вследствие того, что их состав определяется по мультинациональным и мультикультурным принципам [Bach, 1999]. Но все эти аргументы в высшей степени спорны [Shore, 2000]. Мы проанализируем четыре тезиса и четыре факта.

Во-первых, как любая бюрократия [Weber, 1978; Schumpeter, 1962; Downs, 1967; Peters, 1995], Комиссия ЕС и ее бюрократический аппарат являются инструментами власти и доминирования. Это даже в еще большей мере касается их, чем национальных бюрократий. Комиссия ЕС имеет право, которым не обладает ни одна национальная бюрократия, а именно: право законодательной инициативы. Реализации этого неординарного права способствует то, что Комиссия ЕС в Брюсселе расположена вдали от национальных столиц и поэтому меньше подвержена влиянию критически настроенной общественности, чем национальные бюрократии. Эффективность Комиссии в смысле законодательного процесса повышается за счет ее коллективного и безличностного характера: членов Комиссии назначают, а не избирают на их посты; Комиссия несет ответственность за свои решения как единое целое. Даже если в Комиссии много посредственностей, там всегда найдется несколько энергичных особ, постоянно предлагающих шаги по развитию интеграции, и такие шаги утверждаются всей Комиссией, трансформируясь в выдвигание новых регуляторных актов. Кроме того, высший эшелон бюрократии ЕС — *генеральные директора* — очень влиятельны [Middlemas, 1995: p. 242ff.; Egeberg, 2003: p. 131–147]. Назначаемые пожизненно, они являются высокообразованными и часто опытными в политике людьми. Их роль заключается в разработке глобальной миссии и стратегии их директоров, в организации работы подчиненных и в установлении отношений с внешним миром. Их можно сравнить со “средневековыми баронами”¹.

¹ Очень информативное исследование 33-х Генеральных директоров см.: <http://www.euro.de/europa/studie_eur_kommission/studie.htm>.

Европейская комиссия не менее забюрократизирована, чем национальные бюрократии. Ее формальная структура очень привязана к иерархии образовательных степеней; еврократам по душе их в высшей степени защищенные “рабочие места” (пожизненная гарантия занятости); они неустанно принимают все новые законы и регуляторные акты. За десять лет с 1970-го по 1980-й ЕС выпустил около 9 тыс. законодательных и регуляторных актов, а с 1991-го по 2000-й — почти 24 тыс. [Alesina et al., 2001]. Эту их деятельность все чаще признают разрушительной для предпринимательства и экономического роста в Европе, это касается даже представителей ЕС очень высокого уровня и национальных политических лидеров (таких как немецкие канцлеры Гельмут Коль и Ангела Меркель).

И последнее — тезис о том, что новая еврократия состоит из сравнительно малочисленного аппарата, ошибочна в трех отношениях. Во-первых, не принимается во внимание тот факт, что эта бюрократия в основном сосредоточена на выпуске законов и регуляторных актов; это объясняется тем, что большинство чиновников ЕС — высоко образованные люди (примерно половина из них — ученые), обладающие знанием многих языков и умеющих достигать результаты. Во-вторых, ЕС — молодой институт, как и его бюрократия, по сравнению с бюрократиями национальных государств Западной Европы. Взглянув на динамику развития еврократии, мы увидим абсолютно другую картину: с 1968 года число сотрудников ЕС постоянно растет; в 2006-м это оно уже вчетверо превышало показатель 1968 года. И никакой тенденции к уменьшению не предвидится.

В этом же отношении важен и третий факт: с момента, когда ЕС стал главным образом законодательным органом, в каждом государстве, входящем в него, существует “заменяющая ЕС бюрократия”, связанная с введением регуляторных актов ЕС, администрированием субсидий и т. п. Экстраполяция численности этой заменяющей ЕС бюрократии, согласно результатам пилотных исследований в четырех странах-членах ЕС, дает там цифру, сопоставимую с количеством сотрудников, работающих в Брюсселе [Haller, 2008: p.152ff.].

О влиятельности еврократии говорит и тот факт, что ее представители имеют большие привилегии (гарантированная занятость, высокий уровень дохода и сопутствующие выгоды): “Чиновники ЕС, как утверждают, — одни из самых привилегированных чиновников в мире” [Shore, 2000: p. 15], место на гражданской службе в ЕС называют “раем для бюрократа” [Page, Wouters, 1995: p.185–204; Dinan, 1999: p. 221; Vaubel, 1995: p. 37].

3. Достижения европейской интеграции и как их воспринимают граждане

В предыдущем разделе мы показали, что политические, экономические и новые европейские бюрократические элиты имеют свой огромный интерес в продвижении интеграции. С такой точки зрения их энтузиазм в отношении процесса интеграции не должен вызывать удивления. Однако сам этот факт не может быть аргументом против интеграции. Если такой процесс отвечает интересам граждан и людей, в него вовлеченных, то с довольно существенным увеличением численности элит, инициировавших и продвигающих этот процесс, вполне можно смириться [Scharpf, 1999]. Мы же дол-

жны выяснить, какими объективно являются достижения европейской интеграции и как их воспринимают граждане.

Как страны-члены ЕС работали в экономическом смысле последние десятилетия? Правда ли, что европейская интеграция так успешна? Как граждане по всей Европе воспринимают достижения ЕС? Хорошо известно, что многие граждане весьма критичны в этом вопросе. Политические элиты и некоторые социальные исследователи [Moussis, 2006: p. 189f.] утверждают, что население не признает реальных достижений интеграции. Для того, чтобы получить исчерпывающее представление об этом, мы должны рассмотреть и объективные достижения, и их субъективное восприятие населением.

Посмотрев на объективные достижения последней декады — 1994–2005 годов — учитывая некоторые важные социально-экономические показатели и сравнив ЕС-15 в целом с его главными “соперниками”, США и Японией, мы увидим следующую ситуацию: в смысле экономического роста ЕС и Япония были далеко позади США; в смысле безработицы развитие ЕС оказалось провалом, отразившимся в самых низких цифрах за все десять лет; только в смысле инфляции ЕС справился, но не так хорошо, как Япония. Внутри ЕС страны Евроленда работали существенно хуже, чем те, что оставались за его рамками (Дания, Швеция, Великобритания). Впрочем, молодые члены ЕС с Юга и Ирландия были более успешными. В этих странах членство в ЕС, возможно, способствовало экономическому росту, хотя и достаточно умеренно [Bornschieer, Herkenrath, Ziltener, 2004].

Рассмотрим восприятие и оценку этих тенденций со стороны граждан. На вопросы о роли и успехах ЕС в разных сферах политики негативные ответы и оценки превышают позитивные по пяти важным показателям: 43% сказали, что “ЕС играет отрицательную роль” в отношении безработицы (у 24% позитивные оценки), 51% — в отношении инфляции (23% — позитив) и 29% — в отношении социальных стандартов (22% — позитив). Только в двух сферах (экономический рост и борьба с преступностью) позитивные оценки встречались чаще, чем негативные. Люди в странах с объективно позитивными достижениями воспринимают их более позитивно, а там, где результаты негативны, — более критично и отрицательно.

Таким образом, в восприятии граждан достижения ЕС не очень заметны. Кроме того, достаточно высоки цифры — от 40% до 80% — реального “страха по поводу строительства Европы” (см. табл. 2). Из шести указанных достижений большинство отмечают позитивный эффект только в одной сфере, а именно в отношении значимости собственной страны в ЕС. В двух сферах негативные оценки намного опережают позитивные: что касается непропорционально завышенной оценки влияния больших стран, членов ЕС и влияния на ЕС персоналий. 76% респондентов в странах из группы ЕС-15 считают, что “большие страны имеют в ЕС большую власть”; и лишь 32% думают, что “мой голос имеет вес в Европейском Союзе”. Еще более негативная картина возникает, если посмотреть на страхи, связанные у респондентов с ЕС. В четырех измерениях — поток рабочей силы в другие страны-члены, наркотрафик, государственные издержки на ЕС и сложности для фермеров — существенное большинство опрошенных (от 62% до 74%) связывают свои страхи с европейской интеграцией.

Таблица 2

**Восприятие достижений ЕС и страхи,
связанные со строительством Европы, %, 2004**

Восприятие достижений	Скорее согласен	Скорее не согласен
Я чувствую себя безопаснее, так как... (указать свою страну) – член Европейского Союза	43,0	46,6
Я чувствую, что мы более стабильны экономически	43,7	45,7
Я чувствую, что мы более стабильны политически	40,0	47,7
Мой голос имеет вес в ЕС	31,8	55,0
Голос... (указать свою страну) имеет вес в ЕС	62,8	26,9
Самые большие страны имеют самую большую власть в ЕС	76,0	14,3
Страхи, связанные с интеграцией		
Потеря власти малыми странами – членами ЕС	49,4	42,0
Рост наркотрафика и международной организованной преступности	68,2	27,2
Наш язык используется все меньше	39,7	55,7
Наша страна все больше платит ЕС	64,4	26,5
Потеря социальных благ	53,6	38,5
Потеря национальной идентичности и культуры	42,2	52,3
Экономический кризис	47,7	42,5
Перемещение рабочей силы в другие страны – члены ЕС, где ниже стоимость производства	74,1	19,9
Больше сложностей для (национальных) фермеров	62,2	26,2

Примечание: Остальные респонденты ответили “не знаю”.

Источник: Eurobarometer 61 (весна 2004 года); вопросы 12 и 15; N = 16216.

4. Выводы

С момента заключения *Договора о Европейском Союзе* в Маастрихте в 1991 году начал проявляться растущий раскол между элитами и гражданами по вопросу европейской интеграции. Если политические и экономические, а также новая евробюрократическая элиты активно ратуют за этот процесс и используют все меры для его продвижения, то граждане по всей Европе принимают его всего лишь как данность, причем большие группы людей во многих странах относятся к этому процессу очень критично. В данной работе мы показали, что у элит существует свой интерес в интеграции, что и объясняет такой их энтузиазм. Но есть и структурные причины для дальнейшего расхождения между элитами и гражданами по этому вопросу. С одной стороны, граждане по всей Европе становятся все более образованными и критичными; с другой – ЕС отбирает все больше компетенций у национальных государств. Последняя тенденция усугубляется тем фактом, что Европейский Союз демонстрирует серьезный дефицит демократии [Siedentop, 2001]. Граждане лишь опосредованно могут влиять на определение политики на уровне ЕС; Европарламент, избранный путем прямых выборов,

до сих пор лишен важных компетенций демократического парламента, а именно: права автономной законодательной инициативы; инициации выборов и перевыборов парламента. Эта ситуация еще больше проблематизируется в силу отсутствия для ЕС возможности сослаться на эффективное законодательство высшего уровня. Вопреки заверениям политиков и некоторых социальных исследователей, достижения ЕС по центральным вопросам социально-экономической политики (экономический рост, занятость, инфляция, внутренняя безопасность) довольно скромны по сравнению с такими большими и развитыми государствами, как США и Япония. Граждане прекрасно знают об этом дефиците.

Лиссабонское соглашение, которое почти на 95% касается *Европейской конституции*, должно улучшить демократическую подотчетность и эффективность затронутых в нем институтов. Однако предусмотренные меры (например, укрепление роли Европарламента и национальных парламентов, а также введение права инициативы со стороны европейских граждан) еще далеки от того, чтобы разрешить проблему дефицита демократии. На данный момент три вопроса являются наиболее насущными и составляют задачу для политической науки и самой политики: (а) обсуждение и определение фундаментальных ценностей, целей и видений этого Союза; (б) (ре-) дефиниция компетенции Союза и компетенции национальных государств; установление ясности в том, что эта задача будет и первым шагом на пути решения проблемы дефицита демократии; (в) разрешение дилеммы между рынком либерализации и сохранением позитивных элементов благосостояния европейских стран.

Литература

- Alan M.* The European Rescue of the Nation State. — London, 1992.
- Alesina A. et al.* What Does the European Union Do? NBER Working Paper 8647. — Cambridge, MA, 2001.
- Bach M.* Die Bürokratisierung Europas. Verwaltungseliten, Experten und politische Legitimation in Europa. — Frankfurt; New York, 1999.
- Beck U., Grande E.* Das kosmopolitische Europa. Gesellschaft und Politik in der zweiten Moderne. — Frankfurt/Main, 2004.
- Berthold N., Hilpert J.* Wettbewerbspolitik, Industriepolitik und Handelspolitik in der EU // *Europäische Integration*. — 1996. — S. 77–109.
- Bornschieer V.* State-building in Europe. The Revitalization of Western European Integration. — Cambridge, 2000.
- Bornschieer V., Herkenrath M., Ziltener P.* Political and economic logic of Western European Integration. A study of convergence comparing member and non-member states, 1980–98 // *European Societies*. — 2004. — 6. — P.71–96.
- Burgess M.* Federalism and federation // *Cini M. (ed.). European Union Politics*. — Oxford; New York, 2003. — P.65–79.
- Cini M. (ed.).* European Union Politics. — Oxford; New York, 2003.
- Coen D.* The evolution of the large firm as a political actor in the European Union // *Journal of European Public Policy*. — 1997. — 4. — P.91–108.
- Coenen-Huther J.* Sociologie des élites. — Paris, 2004.
- Collins R.* Interaction Ritual Chains. — Princeton, N.J., 2005.
- Dehove M. (ed.).* Le nouvel état de l'Europe. Les idées-forces pour comprendre les nouveaux enjeux de l'Union. — Paris, 2004.

Deutsch K.W. et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organisation in the Light of Historical Experience. — Princeton, N.J., 1957.

Dinan D. Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. — Houndmills; Basingstoke, 1999.

Downs A. Inside Bureaucracy. — Boston, 1967.

Egeberg M. The European Commission // Cini M. (ed.). European Union Politics. — Oxford; New York, 2003. — P. 131–147.

El Agraа A.M. (ed.). The European Union. Economics and Policies. — Harlow, 2004.

Etzioni-Halevy E. The Elite Connection. Problems and Potentials of Western Democracy. — Cambridge, 1993.

Faber A. Europäische Integration und politikwissenschaftliche Forschung. Neofunktionalismus und Intergouvernementalismus in der Analyse. — Wiesbaden, 2005.

Fix E. Integration als ‚Vernunfttete‘ im Spannungsfeld zwischen ‚loyalty‘, ‚voice‘ und ‚exit‘ — Zu den Rahmenbedingungen der Genese und des Fortbestandes von Föderationen // Jahrbuch zur Staats- und Verwaltungswissenschaft. — Baden-Baden, 1992/93. — Bd. 6. — S.113–161.

Fouilleux E. The Common Agricultural Policy // Cini M. (ed.). European Union Politics. — Oxford; New York, 2003. — P.246–263.

Gillingham J. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945–1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. — Cambridge; New York, 2004.

Haas E.B. The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces 1950. — S.l., 1958.

Haller M. European Integration as an Elite Process. The Failure of a Dream? — New York; London, 2008.

Haller M., Ressler R. (Hrsg.). Wir da unten — die da oben. Die Europäische Union aus der Sicht von BürgerInnen und von Eliten. — Graz, 2006.

Hartmann M. Elitesozioologie. — Frankfurt; New York, 2004.

Hofbauer H. Osterweiterung. Vom Drang nach Osten zur peripheren EU. — Wien, 2003.

Ilzkovitz F., Meiklejohn R. (eds.) European Merger Control. Do We Need an Efficiency Defence? — Cheltenham, UK; Northampton, MA, 2006.

Ingham B. International Economics. A European Focus. — Harlow, UK, etc., 2004.

Jaspers K. Wohin treibt die Bundesrepublik? Tatsachen, Gefahren, Chancen. — München, 1996.

Jensen C. Neo-functionalism // Cini M. (ed.). European Union Politics. — Oxford; New York, 2003. — P. 80–92.

Loth W. Der Weg nach Europa. Geschichte der europäischen Integration 1939–1957. — Göttingen, 1996.

Maier H. Katholizismus und Demokratie. — Freiburg; Basel; Wien, 1983.

Middlemas K. Orchestrating Europe. The Informal Politics of the European Union 1973–95. — London, 1995.

Monnet J. Memoirs. — Garden City, N.J., 1978.

Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. — London, 1998.

Moussis N. Access to the European Union. Law, economics, politics. — Rixensart, 2006.

Page E.C., Wouters L. The Europeanization of the national bureaucracies? // Pierre J. et al. (eds.). Bureaucracy in the Modern State. — Aldershot, UK, 1995.

Peters B. G. The Politics of Bureaucracy. — White Plains, N.Y., 1995.

Procacci G. Geschichte Italiens und der Italiener. — München, 1983.

Roesler J. Der Anschluss von Staaten in der modernen Geschichte. Eine Untersuchung aus aktuellem Anlass. — Frankfurt/Main, 1999.

Scharpf F. Governing in Europe: Effective and Democratic? — Oxford, 1999.

Schmitt H., Thomassen E. (eds.). Political Representation and Legitimacy in the European Union. — Oxford, 1999.

Schmitter Ph.C. Neo-Neofunctionalism // Wiener A., Diez Th. (eds.). European Integration Theory. — Oxford, 2004. — P. 45–74.

Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy. — New York, 1962 [1950].

Shore C. Building Europe. The Cultural Politics of European Integration. — London; New York, 2000.

Siedentop L. Democracy in Europe. — New York, 2001.

The European Union. A View from the Top: Report prepared by Jacqueline Spence, conducted by EOS Gallup Europe, Wavre (Belgium). —

<http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/top/top.pdf>.

Van Apeldoorn B. Transnational European Capitalism and the Struggle over European Integration. — London; New York, 2002.

Vaubel R. The Centralisation of Western Europe. The Common Market, Political Integration and Democracy. — London, 1995.

Von Arnim H.H. Das Europa-Komplott. Wie EU-Funktionäre unsere Demokratie verschern. — München; Wien, 2006.

Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology / Ed. by G. Roth, C. Wittich. — Berkeley; Los Angeles; London, 1978[1922].

Wiener A., Diez Th. European Integration Theory. — Oxford, 2004.

Wolton Th. Brève Psychoanalyse de France. — Paris, 2004.

Перевод с английского Татьяны Герасименко